

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

Муниципальный этап

9 класс

Аналитическое задание

Из двух предлагаемых для анализа текстов необходимо выбрать один: эпический **ИЛИ** лирический.

Выполните целостный анализ произведения **Н. Литвинец «Антиквар»**.

Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Анализируя произведение, обратите внимание на:

- композицию произведения;
- портретные детали;
- детали интерьера;
- внутренние переживания героев;
- особенности диалогов, внутренней речи героини;
- речевую характеристику персонажей;
- символические детали;
- смысл названия.

Нина Литвинец

Антиквар

Деньги кончились неожиданно. Еще вчера Анну Вячеславовну радовал приятный шорох купюр в издавшем виды портмоне, а сегодня во всех его отделениях она смогла обнаружить только одну мятую пятидесятирублевку. До пенсии оставалось больше недели. Анна Вячеславовна постаралась сосредоточиться, припоминая, на что умудрилась потратить столь значительную — по ее представлениям — сумму. Впрочем, и так было ясно. Когда она поскользнулась на схваченной гололедом плитке возле универсама (так Анна Вячеславовна по старой памяти называла ближайший супермаркет), какой-то добрый человек отвез ее на своей машине в ближайший травмопункт. Там определили растяжение связок и велели ногу не нагружать, делать компрессы и мазать специальной мазью. Мазь оказалась дорогущая, да еще из травмопункта до дома пришлось добираться на такси, которое ей любезно заказали в регистратуре. Такси стоило немислимых денег. А перед этим она еще навестила подругу, такую же вдовствующую старушку, как она, принесла ей дорогих «мишек» из прошлого времени (Катя всегда была сластеной, при этом сахар у нее был в норме, не то что у Анны Вячеславовны) и несколько штук ярко-оранжевых мандаринов. Когда она лежала дома с растяжением, пришлось

дополнительно заплатить соцработнику за уборку — Анна Вячеславовна терпеть не могла неухоженности, отличающей квартиры многих пожилых людей. Да еще сразу после пенсии порадовала себя рокфором, ставшим после введения санкций невероятно дорогим, и маленьким пакетиком свежемолотого, восхитительно пахнущего кофе. А вчера покупала продукты. Вот и набежало.

Конечно, можно было позвонить сыну в Ленинград (к Санкт-Петербургу Анна Вячеславовна так и не смогла привыкнуть) и попросить прислать денег, он бы прислал наверняка, немедленно. Но Анна Вячеславовна просить и одалживаться не любила. Вместо этого она принялась размышлять, как на пятьдесят рублей прожить оставшиеся до пенсии дни. И прожила бы — картошки, круп, чая и сахара в доме было достаточно. Но сегодня утром она обнаружила, что в пластинке ежедневно принимаемого арифона осталось только две таблетки, да и валокордин, без которого давно уже не заснуть, заканчивался. Необходимо было что-то придумать.

Она присела на диван и обвела взглядом гостиную. Следовало что-то продать из содержимого большой, внушающей почтение горки. Сын просил никогда этого не делать, сразу обращаться к нему, но Анна Вячеславовна была уверена, что он и не заметит отсутствия какой-нибудь изящной чашки или молочника. К вещам сын был равнодушен, единственное, что вызывало в нем трепет, — книги. А книг у Анны Вячеславовны было достаточно. Главной ее радостью было чтение, а не телевизор, как у большинства стариков. Телевизор Анна Вячеславовна терпеть не могла из-за рекламы и смотрела только иногда канал «Культура», там рекламы не было. Но хорошие старые фильмы и там показывали редко.

Анна Вячеславовна выбрала статуэтку давнишнего немецкого производства, тщательно протерла и упаковала в несколько слоев старых газет. Потом отправилась в комиссионный магазин (он так и назывался — «Комок»), к счастью, расположенный совсем недалеко. Однажды в такой ситуации она уже продала там кобальтовый кофейный сервиз. Ее ждало разочарование. Словоохотливая владелица «Комка» обвела рукой сплошь заставленные посудой, статуэтками, сервизами и хрусталем полки, вздохнула и сказала, что взять что-то «в деньги», об этом не может быть и речи, только на комиссию, да и то неизвестно, когда все это продается, спрос в последнее время резко упал, денег у народа не стало. В утешение она дала Анне Вячеславовне телефон какого-то антиквара, который может приехать на дом и купить все за живые деньги, но, конечно, дешевле. Анна Вячеславовна побрела домой.

Дома она после некоторого раздумья набрала записанный номер. Посторонних людей в доме она не любила, но тут уж деваться было некуда. Голос в телефонной трубке внушал доверие. Он выслушал Анну Вячеславовну, уточнил кое-какие детали, записал адрес и пообещал подъехать сегодня же, во второй половине дня. Часа через два в домофон позвонили. Анна

Вячеславовна нажала кнопку и отперла входную дверь. Антиквар оказался сравнительно молодым человеком приятной наружности, живым, общительным и располагающим к себе. «Ну, показывайте, что у вас тут есть», — по-хозяйски огляделся он. Анна Вячеславовна показала статуэтку. «А вот это что? А это?» — продолжал спрашивать тот, выгребая из горки все новые и новые предметы. Анна Вячеславовна заикнулась было, что ничего больше она продавать не собирается, ей бы только до пенсии дожить. «А перед следующей пенсией снова ко мне позвоните? Что ж я и буду каждый раз так за одной вещью ездить? Давайте создадим задел, чтоб у вас был небольшой капитал на черный день», — молодой человек звучал убедительно. К тому же Анна Вячеславовна чувствовала, как на нее накатывает усталость, сегодня днем ей так и не удалось вздремнуть после обеда со своим любимым Диккенсом. Сил сопротивляться не было. В конце концов, подумала она, сын после ее смерти все равно все будет распродавать и раздаривать, не повезет же он это в Ленинград. Пару раз она у него в последние годы гостила. Невестка (второй брак, моложе Саши на пятнадцать лет, и опять нет детей) старательно следила за модой, и квартира у них была вся какая-то суперсовременная, с дурацкой, придуманной популярным дизайнером планировкой, с большими пустыми пространствами (в квартире должен быть воздух, говорила Тася) и полным отсутствием старых вещей. Нет, сын все равно будет все продавать, решила она. «Что ж это у вас все Германия, все послевоенное, а настоящего антиквариата нет?» — спросил молодой человек. Анна Вячеславовна объяснила, что его у нее и быть не может. Жили они до войны в Ленинграде, а в блокаду, она тогда еще девчонкой была, все, что было сколько-нибудь ценного, выменяли на хлеб. А сестры мамыны жили в Царском Селе, там немцы были, их угнали на работу в Германию. А когда они вернулись, в квартире ничего не было. Иконы очень жалко, сказала Анна Вячеславовна, они старинные были, намоленные. Молодой человек поддержал разговор. «Да, — сказал он задумчиво, — самые большие антикварные коллекции сложились именно в Ленинграде во время блокады. Как вообще вы все это пережили, ваше поколение?» Анна Вячеславовна вспомнила вдруг, как в квартире, куда она с матерью пришла обменять на хлеб две кузнецовские статуэтки, кошка пила молоко из блюдечка на полу и как ей почти до обморока хотелось этого молока. Ей почему-то стало неприятно.

Молодой человек что-то подсчитывал на калькуляторе, проверял посуду на отсутствие трещин. «Вот за это все — пятнадцать тысяч триста рублей, — сказал он. Я даю самую лучшую цену, спросите у кого хотите». От названной суммы у Анны Вячеславовны слегка закружилась голова. Чтобы немного выгадать время на размышление, она предложила молодому человеку чаю. «С удовольствием, — ответил тот, — с утра на ногах, пить хочется ужасно». Анна Вячеславовна пошла на кухню ставить чайник. Когда она вернулась с подносом, на котором стояли чашки, сахарница и корзинка с печеньем, молодой человек рассматривал книги. «Я

смотрю, и книг у вас старых нет», — сказал он. Старых, антикварных книг у Анны Вячеславовны действительно не было. Зато были книги любимые.

Пока они пили чай, она рассказывала молодому человеку свою жизнь. Наверное, это было лишнее, но старым людям иногда так хочется что-то рассказать, и чтобы их слушали. Молодой человек слушал внимательно. «Мы с Алешей познакомились уже после войны, — рассказывала она, — он был фронтовик, герой, а я девчонка, школу только заканчивала. Как увидела его в сквере перед Казанским собором, он с друзьями был, так сразу и влюбилась. С первого взгляда. И он на меня внимание обратил, мы потом еще в Доме Зингера столкнулись, в книжном. Тогда и познакомились. Переписывались, а после выпускного сразу расписались. Я в Москву переехала. Он тогда в Академии Фрунзе учился. А в Ленинград они на экскурсию приезжали. Трудно жили, голодно. Комнату снимали, хозяева строгие были, а я ничего не умела. Но знаете, это такое счастливое время было, ничего потом лучше не было, даже в Германии. В Академии вечера устраивались, мы всегда ходили. Один раз приехал поэт Симонов, стихи свои читал и столько интересного рассказывал. Алеша к нему с книжкой подошел, он с ней на войне не расставался, потрепанная такая, в сорок втором издана, «Фронтовые стихи». Там и «Жди меня», и «Сын артиллериста», и «Ты помнишь, Алеша...» Мы все эти стихи наизусть знали».

Она сделала паузу и отхлебнула чая. Хотелось вспоминать и вспоминать. Молодой статный Алеша в ладно сидящей военной форме с боевыми наградами, красивый поэт с седыми висками и умными, немного грустными глазами, и рядом худенькая девчонка-блокадница в платье, слегка перешитом после выпускного. Платье было из белого парашютного шелка, купленного на барахолке, но об этом никто не догадывался. «И что потом?» — спросил молодой человек. «Алеша попросил его на книге расписаться. А тот, как узнал, что его зовут Алеша, написал: *Ты, конечно, помнишь, Алеша, дороги войны... Счастья тебе в мирной жизни!* На меня посмотрел и хитро так подмигнул». Молодой человек заинтересовался. «А увидеть автограф Симонова можно?» Анна Вячеславовна встала и подошла к книжным полкам. Достала тоненький ветхий сборник на желтой бумаге, старательно упакованный в пластиковый пакет, осторожно вынула и раскрыла первую страницу. Молодой человек внимательно разглядывал симоновский автограф, обратил внимание на год издания, перелистнул несколько страниц. «Добавлю за это тысячу двести, всего будет шестнадцать с половиной», — произнес он. «Что вы, что вы, — замахала руками Анна Вячеславовна, — это не продается». Молодой человек не стал настаивать.

«А наград у вашего мужа много было?» — спросил он. «Много, очень много, — ответила Анна Вячеславовна. — Он на войне в разведке был. У него два ордена Боевого Красного Знамени, две медали «За отвагу», еще «За боевые заслуги», ну и «За взятие Будапешта», еще чего-то, я уж и не помню». «А посмотреть можно?» — спросил молодой человек. Анна Вячеславовна покачала головой. «Это все у сына, в Ленинграде. Когда Алеша умер, я все ему отдала, пусть хранит».

Молодой человек попросил пачку старых газет и принялся паковать вещи. Анне Вячеславовне подумалось, что зря она отдает это блюдо, Алеша любил на нем к приходу гостей красиво раскладывать фрукты. А в этом чайнике он заваривал удивительно вкусный чай. Она хотела было забрать то и другое, но молодой человек уже проворно запаковал все и аккуратно сложил в принесенную с собой сумку. Хрусталь он не взял. «Сейчас только цветной идет», — пояснил он. Анна Вячеславовна порадовалась, что хотя бы ваза, в которую ко дню ее рождения Алеша всегда ставил охапку цветов, останется с нею. Молодой человек аккуратно отсчитал деньги и положил на стол. «Обращайтесь, — сказал он. — Можете подругам своим меня порекомендовать. Я всегда даю лучшую цену». Анне Вячеславовне хотелось, чтобы он поскорее ушел, и отчего-то было стыдно.

«Да, вы знаете, у меня к вам будет небольшая просьба, — сказал молодой человек. — У меня есть друг, он фанат Симонова, трясется над каждой его строчкой. Можно я возьму вашу книжечку на пару дней, другу покажу, он автограф сфотографирует. Через два дня верну. Коллекционеры, они знаете, сумасшедшие люди». Анна Вячеславовна хотела отказать, но язык не повернулся. Человек ведь действительно любит Симонова, ему важно этот автограф увидеть своими глазами. Не так много людей сейчас поэзию Симонова ценят. Вот и юбилей его столетний как-то незаметно прошел. Даже «Жди меня» по «Культуре» не показали. Молодой человек расценил молчание как согласие и быстро сунул книжку в сумку. Дверь лифта захлопнулась.

Через два дня он не появился. На пятый день Анна Вячеславовна позвонила ему сама. «Я в командировке, не в Москве, — ответил молодой человек. — Приеду через два дня — и сразу к вам с книжкой». После этого разговора прошла неделя. Анна Вячеславовна позвонила еще раз. «Да-да, я все помню, — ответил молодой человек. — Завтра я у вас». Так продолжалось с месяц. В конце концов, молодой человек предложил заменить утраченную книжку собранием сочинений Симонова. «Ну как вы не понимаете, — чуть не плакала Анна Вячеславовна, — там же автограф Симонова. Алеше. Это для меня так важно». Молодой человек помолчал в трубку. «Это всего лишь книга, — сказал он. — Стихи Симонова вы найдете в любом другом издании, и в Интернете их полно. А автограф, ну что автограф. Всего лишь несколько слов, написанных давно умершим человеком. У него даже могилы нет, прах по полю развеяли. Ну, извините, так получилось». После этого он перестал отвечать на звонки.

Анна Вячеславовна прожила ужасный месяц. Ее мучила совесть, она чувствовала себя предательницей — по отношению к Алеше, к совместно прожитым счастливым годам, к совместно нажитым вещам, не представлявшим антикварной ценности, но таким дорогим им обоим. «Прости меня, Алеша», — говорила она всякий раз, засыпая и просыпаясь. Вместо молитвы. Вскоре она слегла и больше уже не вставала. Сын приехал проведать заболевшую мать, нанял сиделку, веселую и разбитную молдаванку, постоянно пристававшую к Анне Вячеславовне

с какими-то дурацкими шуточками, и совершенно не заметил изрядно опустевшей горки. А про автограф Симонова Анна Вячеславовна сказать ему побоялась. Да и ни к чему. Это касалось только ее и Алеши, с которым ей скоро предстояло увидеться.

***Об авторе.** Нина Сергеевна Литвинец родилась в 1947 году в Ленинграде. Окончила филологический факультет МГУ по специальности «романо-германская филология», а также аспирантуру. Кандидат филологических наук. Работала в журнале «Иностранная литература», издательствах «Прогресс» и «Радуга». С 1999 по 2008 год — на государственной службе. В настоящее время — программный директор Института перевода. Литературовед, переводчик с немецкого (Патрик Зюскинд. «Контрабас» и др.). В последнее время выступает также как прозаик. Публиковала рассказы в журналах «Октябрь» и «Знамя». Книга для детей «Меня зовут Аглая» опубликована в издательстве «Время» в 2013 г.*

Выполните целостный анализ стихотворения **Ю. Левитанского «Прощание с книгой»**.
Анализируя произведение, дайте ответ на следующие вопросы:

- С чем сравнивается человеческая жизнь в стихотворении? Почему?
- Какими средствами создаётся образ жизни-театра, жизни-круговорота?
- Почему Левитанский в качестве жанрового определения жизненной пьесы выбирает драму?
- При помощи каких средств он доказывает, что человеческое существование соответствует драматическому сюжету?
- Стихотворение Левитанского жизнеутверждающее или пессимистическое? Почему вы так решили?
- Объясните смысл названия.

Юрий Левитанский

Прощание с книгой

Нескончаемой спирали бесконечные круги.
Снизу вверх пролеты лестницы – беги по ним, беги.
Там, вверху, под самой крышей, в темноте горит окно.
Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Я люблю сюжет старинный, где с другими наравне
я не первый год играю роль, доставшуюся мне.
И, безвестный исполнитель, не расстраиваюсь я,

что в больших твоих афишах роль не значится моя,
что в различных этих списках исполнителей ролей
среди множества фамилий нет фамилии моей.
Все проходит в этом мире, снег сменяется дождем,
все проходит, все проходит, мы пришли, и мы уйдем.
Все приходит и уходит в никуда из ничего.
Все проходит, но бесследно не проходит ничего.
И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны,
как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны,
как сплетается с другими эта тоненькая нить,
где уже мне, к сожаленью, ничего не изменить,
потому что в этой драме, будь ты шут или король,
дважды роли не играют, только раз играют роль.
И над собственной ролью плачу я и хохочу,
по возможности достойно доиграть свое хочу —
ведь не мелкою монетой, жизнью собственной плачу
и за то, что горько плачу, и за то, что хохочу.

Об авторе. Юрий Давидович Левитанский (22 января 1922, Козелец, Черниговская область, Украинская ССР — 25 января 1996, Москва) — русский поэт и переводчик, мастер лирического и пародийного жанров. Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства 1994 года. Участник Великой Отечественной войны.

Творческое задание

В 1938 году Марину Цветаеву попросили написать заметку в готовящийся к запуску, но так и не вышедший эмигрантский журнал для русских детей. Один из современных литературных критиков отмечал: «Редкой способностью обладает тот, кто может что-то посоветовать детям так, чтобы они не скривили кислую физиономию от привычной назидательности, а прониклись сказанным. Поэтому так важно не только что, но и как ты это сказал. Важна своего рода «пропитка слов». Вот это письмо в сокращенном виде:

Милые дети!

— Никогда не лейте зря воды, потому что в эту же секунду из-за отсутствия ее погибает в пустыне человек. Но оттого, что я не пролью этой воды, ведь он ее не получит! Не получит, но

на свете станет одним бессмысленным преступлением меньше.

— Потому же никогда не бросайте хлеба, а увидите на улице, под ногами, поднимите и положите на ближний забор, ибо есть не только пустыни, где умирают без воды, но и трущобы, где умирают без хлеба. Может быть, этот хлеб заметит голодный, и ему менее совестно будет его взять так, чем с земли.

— Никогда не бойтесь смешного, и если видите человека в смешном положении: 1) постарайтесь его из него извлечь, если же невозможно — 2) прыгайте в него к человеку, как в воду, вдвоем глупое положение делится пополам: по половинке на каждого — или же на худой конец — не видьте смешного в смешном!

— Никогда не говорите, что так все делают: все всегда плохо делают, раз так охотно на них ссылаются! ... У «всех» есть второе имя — никто, и совсем нет лица — пробел. Ну а если вам скажут: «Так никто не делает» (не одевается, не думает и т. д.) — отвечайте: «А я — кто!»

— Не ссылайтесь на «немодно», а только на «неблагородно».

— Не слишком сердитесь на родителей, помните, что они были вами и вы будете ими.

— Увидя на дороге камень — уберите, представьте себе, что это вы бежите и расшибаете себе нос; из сочувствия (хотя бы себе — в другом!) уберите.

— Не стесняйтесь уступить старшему место в трамвае. Стыдитесь — не уступить!

— Не отличайте себя от других — в материальном. Другие — это тоже вы, тот же вы. (Все одинаково хотят есть, спать, сесть и т. д.)

— Не торжествуйте победы над врагом. Достаточно — сознания. После победы — протяните руку.

— Не отзывайтесь при других иронически о близком (хотя бы даже о любимом животном!); другие уйдут — свой останется.

— Книгу листайте с верхнего угла страницы. Почему? Потому что читают не снизу вверх, а сверху вниз...

— Доедая суп, наклоняйте тарелку к себе, а не от себя к другому: чтобы в случае беды пролить суп не на скатерть и не на визави, а на собственные колени....

Напишите о цели таких правил. Какое из них вам понравилось больше и почему? Попробуйте составить подобные правила для себя (не более 7–10). Продумайте речевое оформление своих правил.